

Львовна раскрывала социальную диалектику, реализовывала творческий потенциал марксистского метода через анализ социально-политической реальности своего времени. А это требовало критического подхода к пониманию диалектики. Она, например, не универсализировала творческую роль противоречий как таковых, а указывала на возможность негативной и даже тормозящей роли некоторых противоречий.

М.Л.Злотина выделяла креативность, движущее начало только тех противоречий, которые возникают в результате взаимопроникновения и взаимоперехода противоположностей. С этой точки зрения, она проделала огромную работу по диалектико-критическому анализу социальной реальности, ложно окрещенной “эпохой развитого социализма”. И хотя эта работа по разным, в том числе и политическим, мотивам не была отражена в печати, она проходила на глазах слушателей, учеников и друзей Марии Львовны. В этом смысле, Марию Львовну можно причислить к фундаторам социологической мысли в Киеве.

Выходя за рамки принятых оценок, в результатах творческого пути Марии Львовны хотелось бы подчеркнуть следующее. Она принадлежала к тому редчайшему типу людей, которые находят и реализуют смысловую составляющую жизни. И если смысл жизни состоит в том, чтобы реализовать свою личность, то Мария Львовна выполнила эту задачу в превосходной степени. А это значит, что она засвидетельствовала собой творческую суть бытия, дала ему сказаться в ней, через нее, заявить о себе: “Я есмь сущее” . И потому Мария Львовна Злотина безусловно принадлежит не прошедшему, а предстоящему.

СЕРГЕЙ КРЫМСКИЙ,
*доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
отдела логики и методологии науки
Института философии НАН Украины*

Памяти учителя

У меня был — за много лет общения с Марией Львовной Злотиной — всего один конфликт, или, точнее, единственное недоразумение с ней. Да и недоразумением это назвать трудно — я абсолютно не ожидал такой ее болезненной реакции на мои слова и оценки, а Мария Львовна надеялась на другое восприятие результатов своего многолетнего труда. Случилось это весной 1969 года, когда М.Л.Злотина защищала докторскую диссертацию. Я, ее бывший студент, выступал на защите как официальный оппонент, и неожиданно оказалось, что мой оппонентский отзыв чем-то сильно задел ее за живое. Когда я об этом узнал, то бросился улаживать дело; в конце концов оказалось, что серьезных расхождений между нами нет, просто мы по-разному оцениваем, скажем так, итоги и перспективы развития марксизма.

Собственно, оскорбительно звучала уже сама каноническая фраза о том, что диссертация М.Л.Златиной “Общие законы развития и принцип отражения” полностью соответствует общим требованиям к докторским диссертациям по диалектическому материализму. Для Марии Львовны более приемлемым было бы противоположное утверждение (и оно, кстати, вполне соответствовало бы действительности): в диссертации был второй план, направленный против официального “диамата и истмата”. Этот второй план был и у нас, младшего поколения и так называемых “логиков”, но он не совпадал со вторым планом М.Л.Златиной.

Она мыслила в рамках марксизма, его идей и его понятийного аппарата, а мы уже искали другие пути. Недоразумение было бы невозможно, если бы в чем-то более важном мы не были единомышленниками.

Название докторской диссертации М.Л.Златиной сегодня может послужить поводом для несправедливых оценок ее сути. На самом же деле этот труд выходил далеко за рамки многочисленных в то время публикаций, которые обычно скрывались за подобными названиями. Статьи Марии Львовны были несколько фрагментарными по сравнению с ее весьма широкими интересами, связанными с философией марксизма. В целом ее концепция оставалась малодоступной широким кругам. А ведь это было не что иное, как общая концепция *обновленного марксизма*.

Я принадлежал к ее студентам с 1948 года, когда она у нас на первом курсе вела семинары по диалектическому материализму. В течение многих лет мы время от времени встречались и всегда обменивались мнениями о том, что вокруг нас происходит и как все это можно осмысливать с философских позиций. Я думаю, что Мария Львовна Златина всю жизнь оставалась марксистом. Однако это не дает ни малейших оснований с пренебрежением относиться не только к ее убеждениям — к ее реальному наследию, а тем более ученикам ее — стыдиться своего учителя.

Я попробую в этой статье-воспоминании в самых общих чертах охарактеризовать взгляды М.Л.Златиной.

Когда-то, в студенческие годы, я был зачарован теми философскими глубинами, которые неожиданно открылись нам, первокурсникам, на семинарах Марии Львовны. Напомню, что это были времена “четырёх признаков диалектики и трёх признаков материализма” — времена бессмертной по своей примитивности, достойной сравнения разве что с аналогичными упражнениями Мао Цзедуна, работы Сталина “О диалектическом и историческом материализме”. Невероятная тривиальность этого произведения резко контрастировала, в частности, с “Философскими тетрадами” Ленина, которые тогда появились в продаже и были страшным дефицитом (помню, как пронёсся слух о том, что на вокзале в киоске “дают” эту книжку; у меня сохранился купленный там экземпляр). И вот, когда, завершая семинарский курс, Мария Львовна подводила итоги, она произнесла неожиданную речь. Суть этой речи заключалась в том, что не следует основным положениям диамата, которые мы изучали, придавать скрытый таинственный смысл. Я до сих пор помню пример, который она тогда приводила: “все взаимосвязано” — это, по сути, означало лишь то, что двери, например, связаны петлями с косяком, косяк — со стеной и так далее. Я не понимал, как можно упрощать сложные вещи, о которых сама же М.Л.Златина заставляла нас догадываться.

Гораздо позже я понял, что имела в виду Мария Львовна. Упрощенной была философия, изложенная в учебниках, и там, в тех “чертах”, не стоило искать неслыханных таинственных глубин. Мария Львовна с презрением относилась к попыткам приукрасить пустоты псевдофилософской болтовни чрезмерно сложными примерами о нейтронах и протонах, а потом — о модулях и информации. По ее мнению, диалектические противоречия, да и вообще все то, о чем говорит гегелевско-марксистская диалектика, относятся не к вещам материального, зримого мира, а *сущностям*. В вещах и наблюдаемых процессах никакой диалектики нет. Действительно, все те банальности, изрекаемые Сталиным, с полным основанием можно отнести к миру явлений, материальных вещей. Мария Львовна высмеивала философские спекуляции относительно того, как протон “борется” с электроном. В отличие от философов-схоластов советского образца М.Л.Злотина не стремилась давать все новые и новые “определения” и формулировки “законов и категорий диалектики”. Она пыталась понять целостность замысла Маркса как философа — замысла, заключавшегося в том, чтобы представить в гегелевской терминологии всеобщие принципы бытия. И первый же вывод ее состоял в том, что подобные принципы могут относиться только к сущности вещей, а не к их проявлениям.

Оставалась проблема: как же ухватить, уловить эту “сущность”, не лежащую на поверхности вещей? Ответ, который подсказывала официальная идеология, не устраивал М.Л.Злотину. Этот официальный ответ сводился к простому *провозглашению* от имени марксизма-ленинизма того или иного тезиса “сущностью” определенного процесса и к обвинению противников в том, что они этой сущности “не понимают”. Ответ, предлагаемый Марией Львовной, логический с ее точки зрения, однако, откровенно говоря, неудовлетворительный теоретически и практически: сущностью процесса она считала его *историю* — всю, от начала до конца. Скажем, с этой точки зрения сущностью человека является вся его жизнь, а следовательно, правду, всю правду и ничего кроме правды о каждом человеке можно сказать лишь в некрологе. Более справедливым представляется вывод, приписываемый экзистенциалистам, но, в общем-то, довольно давний (его можно встретить, в частности, у Шолом-Алейхема): человек — это то, что он *может* сделать, а не то, что он сделал.

Мария Львовна стремилась рассмотреть все положения диалектики сквозь призму противоречивой сущности процесса, проявляющейся во всей его (процесса) истории. Сущность — это не нечто, находящееся “вне” явлений или “внутри” них — это сами явления в их развитии, в целостном историческом процессе. Это наполняло новым смыслом разговоры о переходе количества в качество и прочие тривиальности. Это подвергало сомнению многочисленные попытки простого “усмотрения сущности”, не находившие эмпирического обоснования и оправдывавшиеся банальной ссылкой на ее (сущности) “невидимость”.

Так, у М.Л.Злотиной приобретала рациональный смысл так набуваемая проблема антагонистических и неантагонистических противоречий. По ее убеждению, указанные противоречия сущности могут иметь разрешение, а могут и не иметь. Это всегда нужно проверять. Закрадывалось подозрение, что противоречия нашего общества как раз и относятся к неразрешимым. Сама Мария Львовна в тайне склонялась к такому мнению: она констати-

рвала тот факт, что подобное общество построено по каким-то ошибочным принципам и не может развиваться дальше. Разумеется, этого нельзя было выносить на поверхность философствования.

Проблема соотношения творчества и отражения наполнялась новым смыслом в свете концепции М.Л.Злотиной. Отражение было для нее лишь одной гранью, моментом, чертой процесса овладения действительностью. В центре философской картины взаимодействия человека и мира оказывалась *история*.

Это была новая интерпретация марксизма, — какой бы скромной вывеской ни пыталась Мария Львовна прикрасить глобальность своих замыслов. Можно утверждать, что такая интерпретация возвращала нас к “раннему Марксу”, в сочетании с Марксом “Капитала”, и вела к неомарксизму в стиле Георга Лукача. Подобные совпадения не случайны — ведь М.Л.Злотина училась в прославленном МИФЛИ, откуда ушли на фронт вместе с ней многие талантливые люди, а возвратились единицы, в их числе и она. Это были утраченные возможности советской философской истории, способной на гораздо большее, нежели то, что было реально сделано.

Можно сказать, что марксизм в трактовке М.Л.Злотиной приобретал одновременно активистско-субъективистский и платонистский характер. Здесь скрывалось немало противоречий и недоговоренностей. Во всяком случае, в концепции Злотиной не было того мистицизма, на который опиралась вульгарная модификация марксизма, превращенная в официальную полуйдеологию, полурелигию. Это была попытка вычленив в марксизме такую рациональную сердцевину, которая бы послужила столь же надежной опорой в жизни, как и наука. Однако в этом заключалась и слабость подобной трактовки, поскольку такую философию можно было немедленно сопоставить с наукой, эмпирической и по-настоящему доказательной. Тогда вся конструкция “противоречивой сущности”, возведенная последовательно на Марксовом “Капитале”, подвергалась эмпирической проверке — и не выдерживала критики.

Намного позже я встречался с американскими коллегами, полными желания помочь нам, философам постсоциалистического мира, выйти из духовной изоляции и как можно скорее преодолеть отставание. Один мой хороший знакомый для начала рекомендовал возвратиться к разным неомарксистским учениям. Он очень удивился, узнав, что мы все это пережили на рубеже шестидесятых–семидесятых.

Мария Львовна Злотина принадлежала к людям, давшим мощный толчок процессу духовного созревания нашего общества.

Что касается меня лично, мои отношения с Марией Львовной были отношениями ученичества. Я учился и учусь у многих людей, в том числе и у ровесников, и у тех, кто младше меня, даже — формально говоря — у моих учеников. Могу назвать многих людей, благодаря влиянию которых сложилось мое собственное философское видение. Но *Учитель* у меня был один: Мария Львовна Злотина.

МИРОСЛАВ ПОПОВИЧ,

член-корреспондент НАН Украины